

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

А. В. Афонюшкина

Воронежский государственный университет

При рассмотрении научного наследия российской университетской профессуры второй четверти XIX в. принципиальное значение имеет тот факт, что практически с возникновения отечественная университетская наука всеобщей истории обратилась к историографическим сюжетам. Цель настоящей статьи – выявить элементы историографического анализа, присутствующие в трудах преподавателей российских университетов, показать, с одной стороны, знание ими наработок и достижений европейской исторической мысли, а с другой – критическое отношение к работам западноевропейских ученых. Источником раскрытия темы стали диссертационные исследования, статьи, тексты лекций, частично опубликованные, частично хранящиеся в архивах.

В магистерской диссертации «Решение вопроса по причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки, и каковой он должен быть именно, как вообще, так и особенно в университетах», защищенной в 1833 г., выпускник Харьковского университета В. Ф. Цых (1805–1837) указывал, что исследователь обязан «быть хорошо знаком со всеми лучшими сочинениями по своему предмету, какой бы стране и народу они ни принадлежали» [1, с. 116].

Он находил неудовлетворительным современный ему уровень преподавания истории, когда, «желая сообщить критический характер своему преподаванию, привязываются к какому-нибудь отдельному факту, останавливаются по целым часам на исследовании истинности его или той или другой его подробности». Особую важность В. Ф. Цых придавал знакомству с последними достижениями науки, с лучшими новейшими произведениями истории. Он призывал современных ему ученых воспользоваться всяким новым шагом в науке, все ложные понятия и воззрения, принадлежащие к предшествующему периоду развития,

заменять новыми. Харьковский историк был убежден, что при изучении феодализма недостаточно знания работ Мабли и Монтескье, необходимо обратиться к трудам Ф. Гизо и Г. Галлама. «Один Рейналь, – писал он, – не может служить руководством для колониальной истории: должно призвать на помощь Заалфельда» [1, с. 117]. Лучшими из современных ему историков В. Ф. Цых считал О. Тьерри, Г. П. Баранта, К.-Ф. Савиньи.

В диссертации В. Ф. Цыха есть упоминание о Д. Вико, на сочинение которого «с некоторого времени обратили особенное внимание». Правда, самому Владимиру Францевичу этот труд неизвестен, о чем он сообщил в тексте диссертации, но высказал предположение, что Вико имеет право оспаривать славу автора первого философско-исторического творения у И.-Г. Гердера [1, с. 118].

Ограниченность познаний В. Ф. Цыха в области историографии сказалась в незнании сочинений Г. Лудена (1780–1847), которого современные ему историки «весьма уважали». Тем не менее, важен завершающий диссертацию вывод «следовать за развитием науки» в качестве необходимого условия, соответствовавшего требованиям университетского преподавания истории в 30-е гг. XIX в. [1, с. 128].

Складывание системы историографических взглядов отечественных исследователей западноевропейской истории относится к рубежу 30–40-х гг. XIX в. В этой связи представляет интерес магистерская диссертация А. И. Ставровского (1816–1866), начавшего в 1837 г. преподавание всеобщей истории в университете св. Владимира в Киеве, в дальнейшем – профессора этого университета, «Рассуждение о значении средних веков в отношении к новейшему времени» (1841). Раскрывая поставленный вопрос о связях средневековья с историей нового времени, автор не только обнаружил знакомство с новейшими работами западноевропейских историков, но счел необходимым предпослать «рассуждению» историографическое введение.

Следует особо подчеркнуть, что А. И. Ставровский понимал политическое значение исторических исследований и оценок событий прошлого. Он разделял стремление современной ему западноевропейской историографии восстановить подлинное значение средних веков в противовес негативной оценке этого периода историками эпохи Просвещения. А. И. Ставровский прямо указывал, что взгляды просветителей на средние века «коренятся в политическом направлении умов европейских наций в конце XVIII в.» [2, с. 4].

Зависимость исторической науки от текущей политической жизни киевский ученый считал характерной не только для деятелей эпохи Просвещения и их последователей, но и для приверженцев романтизма в историографии, превозносивших средневековье. Он связывал взгляды этих историков с политическими событиями, происходившими в Европе после Французской революции конца XVIII в., когда «революционный дух встретил сильное противодействие со стороны приверженцев старого быта и порядка вещей». Первый результат этого А. И. Ставровский видел в том, что «пренебрежение к средним векам стало ослабевать в такой же степени, в какой пристрастие стало увеличиваться, и последнее скоро сделалось господствующим» [2, с. 5].

Приверженцев обеих крайних точек зрения на значение средних веков в истории Европы ученый считал необъективными. По его мнению, эти взгляды не имели прочных оснований, ибо «выражаемы были языком страстей и в форме, которая не соответствовала ни строгой истине, ни науке». Особенно критическим было его отношение к «апологистам» (так он называл сторонников романтической историографии), главный недостаток которых ученый видел в том, что их выводы не подтверждались данными источников, а взгляды были излишне политизированы. Недостаток же фактов вел к тому, что «при всей энергии, при всем энтузиазме, с которым писатели сего рода старались дать значение своим мнениям и показать настоящий путь к развитию средневекового периода, сами часто сбивались и других вовлекали в свою ошибку».

А. И. Ставровский критиковал представителей западноевропейской науки за отсутствие интереса к теоретическим вопросам исторического развития: «Порицания и похвалы ограничились одними частностями, явлениями и событиями отдельными, а между тем, целые века вместе взятые, сущность и организм их представлялись каждому из последователей сих двух школ как бы в густом тумане

среди мрачной ночи. Они не понимали этого организма и не хотели понимать» [2, с. 6].

Таким образом, уже в начале 40-х гг. XIX в. для российского историка была очевидна необходимость качества, которое менее чем через полвека станет характерным для «русской школы» в изучении всеобщей истории – постановки и решения общих вопросов исторического развития, стремления не ограничиваться частностями.

В магистерской диссертации проявились не только научные интересы А. И. Ставровского, но и его отношение к проблемам, ставившимся в современной ему историографии; автор обнаружил знание трудов европейских ученых, о чем дает возможность судить приведенная им критическая оценка их сочинений.

Так, А. И. Ставровский был знаком с трехтомным сочинением известного английского историка Г. Галлама (1777–1859) «Обзор состояния Европы в средние века», вышедшим в 1818 г., правда, не с подлинником, а с немецким переводом 1820 г. Он считал этот труд одним «из тех, в которых стараются изобразить перемены правительства и законодательство какой-либо страны в отвлеченной форме, не касаясь событий, от которых оные произошли» [2, с. 7]. Сочинения такого рода А. И. Ставровский называл «обманчивыми».

Он также считал неправомерным, что в исследовании с таким широким названием непропорционально много места отведено истории Англии, изображенной автором в качестве ведущей страны Европы. Такой взгляд, по мнению А. И. Ставровского, следует считать односторонним и мало полезным для истории как науки. Между тем, критик признавал и достоинства книги Г. Галлама: в ней он видел много материалов и любопытных подробностей, характеризующих внутреннее устройство и состояние средневековых народов [2, с. 8].

Критически относился А. И. Ставровский и к немецкому историку Г. Лудену, широко известному в России в 30-е гг. XIX в.: 12-томная «История немецкого народа» была высоко оценена петербургским профессором И. П. Шульгиным. А. И. Ставровский не был согласен с мнением известного ученого, он отмечал в диссертации, что сочинение Г. Лудена интересно только обилием материалов, что же касается содержащейся в нем исторической концепции, то она представлялась молодому ученому совершенно неприемлемой. А. И. Ставровский сравнивал Г. Лудена с Н. М. Карамзиным, увидев в творениях того и другого «одни и те же главные достоинства, одни и те же главные

недостатки. Оба поместили в своих творениях все, что могли знать» [2, с. 9]. А. И. Ставровский считал характерной чертой обоих исследователей неисторический подход к изучению прошлого и выступал против него.

В труде Г. Лудена он видел тот же недостаток, что и в сочинении Г. Галлама: по его мнению, немецкий ученый не прослеживал причин изменений, происходивших в общественном быте германцев, рассматривал средние века изолированно, вне их связи с предшествовавшим и последующим этапом истории.

Подвергая критике подобное изолированное рассмотрение отдельных эпох в истории человечества, А. И. Ставровский противопоставлял сочинениям Г. Галлама и Г. Лудена труды О. Тьерри, Ф. Гизо, Г. П. Баранта, считая этих историков наиболее авторитетными, проложившими «своими трудами и талантами новый надежный путь к развитию истории средних веков; они многое объяснили и многое открыли вновь» [2, с. 11].

К сожалению, А. И. Ставровский не делал различий между О. Тьерри и Г. П. Барантом, которых равно ценил за увлекательность изложения. Давая высокую оценку «Истории герцогов Бургундских» последнего, он не почувствовал, что Барант лишь очень точно пересказал средневековые хроники, не поставив задачу выяснения причин и движущих сил исторического развития.

Что касается оценки работ Ф. Гизо, то, по мнению А. И. Ставровского, этот французский ученый «положил своими трудами только основание для здания, но самого здания не соорудил ни он, ни другие из современников наших» [2, с. 12]. Таким образом, российский историк выдвигал задачу перед будущими исследователями: рассмотреть исторический процесс во взаимосвязи событий и явлений.

Историографическими исследованиями занимался и Т. Н. Грановский, ограничиваясь, правда, проблематикой историографии античности. Две большие специальные статьи московского профессора посвящены биографии Б. Г. Нибура и его научной деятельности [3]. Историографические сюжеты ученый использовал для проведения исторических аналогий. «У Нибура, – писал он, – события Французской революции служат комментарием к переворотам Римской республики» [4, т. 1, с. 152].

В лекционные курсы разных лет Т. Н. Грановский включал в качестве обязательного элемента историографические моменты, считая необходимым дать студентам представление о степени

изученности рассматриваемой темы, наличии новых научных взглядов, их обоснованности.

Из общих исторических трудов Т. Н. Грановский указывал на 30 томов французской истории до революции швейцарского ученого Ж. Ш. Сисмонди (1773–1842). По мнению профессора, этот труд не представлял читателю других достоинств, кроме обширной начитанности в источниках. Т. Н. Грановский видел главные недостатки Сисмонди: «Во-первых, у него мало критического таланта, во-вторых, он много приводит подробностей, совершенно ненужных и утомительных» [6, с. 132]. Сам ученый был глубоко уверен, что лучше читать источники, чем компиляции, и призывал к тому же студентов.

Примером историка, пользовавшегося по преимуществу многочисленными документами, хранящимися в западных библиотеках и большей частью рукописными, Т. Н. Грановский считал Л. Ранке, т. к. этот историк «мастерски умеет пользоваться одним каким-нибудь малейшим обстоятельством, чтобы им объяснить целое происшествие...» [7]. Но это стремление возводить мелкие обстоятельства в важнейшие события заставляло автора впадать в ошибки, что не прошло мимо внимания Т. Н. Грановского. Еще один недостаток предшествующего периода развития науки он видел в том, что «историки XVIII в. любили объяснять великие события мелкими причинами» [4, с. 483].

«Первое место» в ряду историков новейшего времени принадлежало, по мнению Т. Н. Грановского, Г. Мартину и Ж. Мишле. Он отзывался о книге Г. Мартина как о «подробном умном и теплом рассказе исторических событий, основанном на изучении источников». Правда, отношение Т. Н. Грановского не лишено критического подхода и к этому историку, у которого «нет особенных взглядов и глубоких идей: он только пользовался тем, что сделано до него» [6, с. 165].

Самую высокую оценку московского профессора получили историки периода Реставрации. К числу наиболее выдающихся ученых своего времени он относил, кроме Ж. Мишле, и Ф. Гизо. Т. Н. Грановский неоднократно отзывался о Ж. Мишле как об «одном из самых гениальных историков, в богатой натуре которого соединен блестящий талант изложения с огромными сведениями и философским пониманием», тогда как у Ф. Гизо, по его мнению, не было драматического таланта: «Он не умеет живо характеризовать явлений, но едва ли у кого-нибудь из современных историков есть такой огромный талант аналитический» [8, с. 241].

Историографические экскурсы присутствовали и в работах П. Н. Кудрявцева. В статье «О достоверности истории» он высказал обвинение в адрес тех своих коллег, которые не хотели взять на себя труд ознакомиться «хотя бы с важнейшими результатами современной науки». Наука, утверждал автор, не стоит на месте, она постоянно идет вперед, «иногда даже несколько раз возвращаясь к старым своим задачам и отыскивая им новое, более удовлетворительное разрешение» [9, т. 1, с. 19]. Самое первое место в ней П. Н. Кудрявцев отдавал тем гениальным ученым, которые ведут за собой целый ряд последователей и противников. К числу их он относил в первую очередь Б. Г. Нибура, труды которого считал образцом исторической критики и «прочной основой для нового исторического здания».

В историографическом обзоре, предпосланном монографии о Карле V, он отметил, что «нельзя не порадоваться соревнованию историков, горячо взявшихся за одну из самых интересных страниц реформационного периода» и дал развернутую характеристику трудам некоторых современных ему западных историков. По его мнению, к числу тех писателей, которые «довольствовались внешним порядком в расположении материала», принадлежал А. Пишо. Подобные сочинения, утверждал П. Н. Кудрявцев, можно употреблять с пользой для пополнения сведений при недостатке подлинных источников, но едва ли можно ожидать от них разъяснения задачи и решения трудных вопросов. Наоборот, Ф. Минье был «слишком самостоятелен, чтобы идти по чужим следам», в силу чего П. Н. Кудрявцев не считал возможным «зачислить его в число последователей той или другой исторической школы». Московский профессор выделил одну из главных особенностей изложения в трудах Ф. Минье – спокойный, ровный и необыкновенно ясный рассказ, но и указал на весьма существенный их недостаток: «Ему часто недостает широты воззрения» [9, т. 2, с. 197–198]. Что касалось английского историка У. Стирлинга, автора работы о последних годах жизни императора Карла V, то П. Н. Кудрявцев видел его «неосмотрительность» в том, что, повествуя о проведенных Карлом V в Испании годах после отречения от престола, автор не связал их с предшествовавшими событиями.

Выявленные отрывочные и разбросанные (кроме работы А. И. Ставровского) историографические сюжеты в трудах университетских историков второй четверти XIX в., как медиевистов, так и занимавшихся историей нового времени, позволя-

ют говорить только о подходах к проблематике историографии. Но в подобных подходах уже проявились черты собственных историографических позиций. Это тем более ценно, что фактический материал отечественные исследователи в большинстве своем вынуждены были черпать в трудах своих западноевропейских собратьев по науке, и, тем не менее, они не были двойниками западных ученых и достаточно четко представляли себе шкалу ценностей тех трудов, которыми им приходилось пользоваться.

Университетским профессорам представлялась важной не только фактическая сторона исторических сочинений, но и методологические позиции, с которых велось изложение материала – во-первых. Во-вторых, главное историографическое положение – отказ от факта ради факта, который наблюдается практически у всех ученых, требование, чтобы толкование источников и отдельных событий обязательно предполагало выходы на более общие проблемы, стало завоеванием отечественной историографии зарубежной истории уже в первой половине XIX в.

Более чем через полтора столетия можно оценить правильность избранного направления исследований, которое до настоящего времени оказывает влияние на отечественную историческую науку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Цых В. Ф. Решение вопроса по причине беспрепятственного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки, и каковой он должен быть именно, как вообще, так и особенно в университетах. Рассуждение, написанное для получения степени магистра по части исторических наук / В.Ф. Цых. – Харьков, 1833. – 128 с.
2. Ставровский А. И. Рассуждение о значении средних веков в отношении к новейшему времени / А. И. Ставровский. – Киев, 1841. – IV, 166 с.
3. Грановский Т. Н. Б. Г. Нибура / Т. Н. Грановский // Сочинения. – М., 1900. – С. 300–327; Он же. Чтения Нибура о древней истории // Там же. – С. 328–376.
4. Т. Н. Грановский и его переписка. – М., 1897.
5. Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья. – М., 1961. – 239 с.
6. РО РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 25. Л. 318.
7. Миллюков П. Н. Университетский курс Грановского / П. Н. Миллюков // Из истории русской интеллигенции. – СПб., 1902. – С. 212–265.
8. Кудрявцев П. Н. О достоверности истории / П. Н. Кудрявцев // Сочинения. – М., 1887. – Т. 1. – С. 1–32.
9. Кудрявцев П. Н. Карл V / П. Н. Кудрявцев // Сочинения. – М., 1887. – Т. 2. – С. 192–451.